

Л.И. Богданова

Русский императив в коммуникативно-прагматическом аспекте

В статье русский императив рассматривается в рамках смягчённого и жёсткого воздействия на адресата с учётом ономаσιологического подхода к выявлению и описанию различных средств выражения побуждения. Исследование показывает коммуникативно-прагматическую специфику шкалы императивности в русском языке.

In the paper, the Russian imperative is viewed within the framework of softened and hard influence on the recipient considering the onomasiological approach to the identification and description of different means of the motivation expression. The research demonstrates the communicative-pragmatic specificity of the scale of imperativeness in the Russian language.

Ключевые слова: коммуникация; речевой акт; шкала императивности; просьба; приказ.

Keywords: communication; speech act; imperativeness scale; request; order.

Изучению императивных конструкций посвящено значительное количество работ [3–4; 6–8; 10–12]. Однако интерес к ним не ослабевает, на наш взгляд, в связи с тем, что на современном этапе развития науки всё больше укрепляет свои позиции коммуникативный подход к описанию языковых явлений, который предполагает «исследование языковых объектов в потоке речевой деятельности и, как следствие, учёт прагматических составляющих речевого акта...» [13: с. 54]. При таком подходе императив стал рассматриваться не как чисто языковое явление, а как коммуникативный акт, имеющий свою семантико-прагматическую и национально-культурную специфику.

Многие сложности межкультурной коммуникации, стержнем которой являются речевые действия разной коммуникативной направленности, вызваны неумением собеседников взаимодействовать в соответствии с нормами и речевыми правилами данной культуры, данного социума, приемлемыми в той или иной ситуации [6]. Успешность и комфортность общения неизбежно связаны с умелым использованием различных способов волеизъявления, многие из которых оказываются «конфликтогенными», поскольку директивные акты,

как известно, находятся в зоне «коммуникативного риска». Когда мы требуем или даже просим кого-нибудь совершить то или иное действие или даём кому-нибудь совет, то намеренно либо невольно ограничиваем свободу адресата, нарушаем его личное пространство. Именно поэтому коммуникативную значимость средств воздействия на адресата трудно переоценить. Исследование побудительных конструкций представляет интерес также и с точки зрения обобщения средств, гармонизирующих общение.

В русской лингвистике в рамках императивности традиционно выделяются два типа: *прямая (категориальная) императивность*, когда императивная семантика выступает как категориальное значение особых морфологических и синтаксических форм (*Передайте, пожалуйста, соль!*; *Молчать!*), и *косвенная (некатегориальная) императивность*, когда императивный смысл передаётся с помощью формы с иным (неимперативным) основным значением. «Некатегориальная императивность может быть, в свою очередь, *эксплицитной*, когда императивный смысл непосредственно выражается через вопрос (*Не могли бы вы передать соль?*), через оптативность (*Вам бы помалкивать!*), через футуральную индикативность (*Пойдешь на почту и отправишь письмо!*), и *имплицитной*, когда императивный смысл лишь имплицитируется пропозитивным содержанием высказывания (*Мы хотим есть!* = *Принеси поесть!*), формально же не выражен...» [10: с. 80–87].

В данной работе мы рассматриваем в ономаσιологическом плане как прямые побудительные высказывания, так и косвенные в их эксплицитной и частично в имплицитной форме. В качестве побудительных, вслед за А.И. Изотовым, анализируются такие высказывания, в которых говорящий сообщает адресату «о необходимости и/или возможности осуществления некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом необходимость и / или возможность осуществления агенсом данного действия может обуславливаться волеизъявлением одного из участников плана коммуникации и / или его интересами» [3: с. 18].

Принято считать, что средства косвенной императивности, например, в её имплицитной форме, мягче воздействуют на адресата, чем прямой императив. Однако наш материал показывает, что это не всегда так. Приведу в качестве примера ситуацию, очевидцем которой мне пришлось быть. Представим очередь к врачу в поликлинике: один пациент вышел из кабинета, следующий по очереди пытается войти. И здесь примечательна сдерживающая реплика врача: «*Я никого не приглашала!*». Прямого воздействия на адресата, казалось бы, не было: врач дал информацию о себе и своих намерениях, однако очевидно, что отрицательный воздействующий эффект в данном случае был бы значительно меньше, если бы врач, используя императивную конструкцию в прямой форме, сказал: «*Не заходите, пожалуйста!*» или «*Подождите!*». Своей же косвенно императивной фразой врач ясно дал понять, кто хозяин этой ситуации, унизив тем самым пациентов.

Характерно, что в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» [14] императивность и способы её выражения специально не рассматриваются в стилистическом ключе, хотя императивные конструкции имеют непосредственное отношение и к речевой агрессии, и к языку СМИ, и к языку рекламы в частности.

Наиболее распространённым способом выражения побуждения в русском языке закономерно считается форма повелительного наклонения. Такая форма волеизъявления, как показывают многочисленные наблюдения, особенно при оформлении просьбы, нередко воспринимается представителями иных культур как слишком прямая, невежливая и даже грубая. По наблюдениям Т.В. Лариной, «одно из основных различий между английской и русской вежливостью касается употребления императива» [6: с. 262]. Эксперименты, проведённые исследователем, показали, что в одной и той же ситуации (например, просьба принести меню в ресторане) англичане вообще не выбирают прямой способ императивности (повелительное наклонение), а русские — в 60 % случаев прибегают именно к императиву (*Принесите, пожалуйста, меню*) [6: с. 272]. Отражённое в английском языке стремление избегать императива связывается с ценностными ориентирами англосаксонской культуры, уважающей личную автономию человека. В «русском мире» личное пространство не так высоко ценится, слово *privacy* (зона личной неприкосновенности) отсутствует в лексиконе, но, тем не менее, императив внутри русской культуры вовсе не является показателем грубости. Опыт общения на родном языке убеждает, что императивно выраженная просьба может по-разному «прочитываться» адресатом: формально императивные высказывания могут быть ласковыми, нежными, как, например, в приводимом Т.В. Лариной примере, описывающем ситуацию в больнице и просьбу пациента: «*Сестричка, принесите стаканчик водички!*». Анна Вежбицкая в Предисловии к книге Т.В. Лариной пишет, что в переводах подобных фраз на английский («*Nurse, could you bring me a glass of water*» — букв. «Сестра, Вы могли бы принести мне стакан воды?») теряется «русский мир отношений и ценностей» [6: с. 11]. Теплота и душевность русских диминутивов (*сестричка, стаканчик, водичка*), безусловно смягчающих давление на адресата, практически неперево-ди-ма на английский язык.

Форма императива в русской коммуникации не снижает уровня вежливости, как это происходит в английском общении, однако многие иностранцы отказываются верить тому, что императивное реквестивное высказывание может быть абсолютно вежливым в русской культуре. Так, иностранные студенты из Европы при выражении просьбы по-русски пытаются по-своему «смягчить» нормативное русское волеизъявление типа «*Дайте мне, пожалуйста, ручку*» с помощью просьбы-вопроса: «*Можете ли мне дать ручку, пожалуйста?*».

В русской коммуникации прямые императивные высказывания, в отличие от других лингвокультур, с точки зрения вежливости, можно в большинстве

случаев считать нейтральными. Косвенным свидетельством в пользу того, что повелительное наклонение в русском языке в целом не может характеризоваться как категорический способ воздействия на адресата, служит происхождение форм повелительного наклонения. Как известно, славянский императив не является собственно повелительным наклонением, он восходит к древней форме опатива — «пожелательного» наклонения. По утверждению В.В. Колесова, в русской ментальности «отношение к другому проявляется не в наглом приказе или хозяйском повелении, но в пожелании, что высказываемое будет принято к сведению» [5: с. 28]. Оживлением этой формы В.В. Колесов считает широкое распространение в наши дни формул типа *хотелось бы, чтобы..., хочется верить, что...* и др.

Нейтральность повелительного наклонения в русском языке состоит в том, что императив занимает срединное место на шкале способов обозначения побудительности по степени воздействия на адресата. В связи с этим можно предположить, что частотное употребление русскими коммуникантами императива само по себе не может свидетельствовать, например, о «дистанции власти» между участниками коммуникации. Русский язык располагает как более «сильными», чем императив, средствами волевого воздействия на адресата, так и более мягкими, косвенными. Беспрекословность выполнения требования говорящий может подчеркнуть с помощью инфинитива: *Молчать! Стоять! Не стрелять!*

К способам «сильного» воздействия на адресата относятся также следующие средства, используемые в «родительском», «учительском» и «начальственном» дискурсах:

– форма простого будущего времени (с использованием глагола совершенного вида): *Пойдѐшь в магазин и купишь всё необходимое! Сделаешь это задание ещё раз! Проект подготовите к понедельнику!*

– конструкция «чтобы кто / что + форма глагола прошедшего времени»: *Чтобы вернулся домой к ужину! Чтобы переписал без ошибок! Чтобы к утру работа была готова!*

– конструкция «изволь(те) + инфинитив»: *Извольте выполнить эту работу вовремя!* [4]

– форма прошедшего времени глагола совершенного вида: *А ну, сел за уроки! Успокоились! Достали учебники! Собрал свои вещи и вышел из класса! А ну, поднялся! Пошёл вон!* и т. п. В основе подобного употребления «лежит представление о каузируемых действиях как об уже совершившихся реальных фактах» [10: с. 74].

Как отмечают исследователи [4; 6], многие из этих средств выражения категорического требования предполагают неравные отношения между участниками коммуникации. При этом коммуникативные роли и характеристика коммуникации могут иметь особые специфические признаки в каждом конкретном случае. Так, форма будущего времени наиболее приемлема в неофициальном

стиле общения при социальном или возрастном неравенстве коммуникантов. Конструкция с союзом *чтобы* не допускает возражений со стороны адресата, а использование формы прошедшего времени граничит с оскорблением. В этой связи уместно вспомнить скандальную историю, произошедшую с известным эстрадным певцом, который в разговоре с журналисткой позволил себе использовать, наряду с другими некорректными высказываниями, и такой способ побуждения, как: «*Взяла и вышла отсюда!*».

Русский язык располагает богатейшим репертуаром средств смягчённого воздействия на адресата. Отметим лишь некоторые из них, используемые при выражении просьбы:

– с помощью различных типов вопросов (с модальным глаголом, с отрицанием, с частицей *ли*, вопрос о наличии и др.), при этом в просьбе могут быть представлены и дополнительные маркеры вежливости, например, разного рода диминутивы. Ср.: *Не найдётся ли у Вас свободной минутки для меня? Не подскажете, который час? Могу я узнать у Вас об этом? У Вас есть ручка?* и т. п.

– формой сослагательного наклонения (в вопросительной форме): *Не могли бы Вы передать ему эту информацию?*

– с помощью конструкции *хочу попросить Вас о ...* и мн. др.

Один из способов «завоевания» адресата в русской коммуникации — обращение к нему на «мы». При этом говорящий сам может включать себя в действие, к которому призывает партнёра по коммуникации: *Пойдём в кино! (Пошли на каток!)*, но в ряде случаев участие говорящего в предполагаемом действии полностью исключается по объективным причинам: *Передняя площадочка! Покупаем билеты! (кондуктор — пассажирам); Предъявляем проездные документы! (контролёр — пассажирам); Проходим в середину салона! (водитель — пассажирам); Раздеваемся (врач — пациенту); Открываем учебник и читаем правило (учитель — ученикам)* и т. п. Совершенно очевидно, что обращение на «мы» — это ещё одно из «средств минимизации давления на адресата, способ включения субъекта речи в реализацию побуждения» [1: с. 101], отличающийся яркой самобытностью и раскрывающий особенности не только русского речевого этикета, но и психологии, ментальности народа.

В выражении побуждения на русском языке значимым является и вид глагола. Нередко считают, что глаголы совершенного вида в повелительном наклонении обычно используются для обозначения категоричной просьбы, приказа или требования. «Действие при этом представляется законченным, однократным, определённым и чётким, обусловленным вполне конкретной ситуацией» [9: с. 368]:

— *Варька, поставь самовар!* — кричит хозяйка...

— *Варька, почисти хозяйину калоши!*..

— *Варька, помой снаружи лестницу...* (А.П. Чехов).

Думается, что это не совсем так. Категоричность такого рода просьбы-приказа создаётся не за счёт использования императива, а за счёт неравных

отношений коммуникантов, при этом один из индикаторов этого неравенства — форма обращения (*Варька!*). Разумеется, приказы и требования оформляются с помощью глаголов обоих видов, а вот относительно обозначения просьбы ситуация выглядит несколько по-другому. В частности, если действие локализовано во времени, связано с моментом речи и предполагает единичность действия, то просьба (даже самая мягкая!) будет корректно выражена для большинства глаголов именно с помощью совершенного вида и интонационной конструкции ИК-3 (в терминологии Е.А. Брызгуновой [8]), которая может заменить слово «пожалуйста»: *Открой дверь! Сделай это для меня! Расскажи мне сказку! Покажи мне свои фотографии!* В ситуациях дружеского общения такие побудительные высказывания, произнесённые с особой интонацией просьбы, даже без индикатора вежливости «пожалуйста», являются не категоричными, а, напротив, мягкими и вежливыми. Если предполагаемое действие ориентировано на интересы говорящего, то императив в форме несовершенного вида не будет соответствовать речевому акту просьбы, а будет выражать значение категорического требования: *Отдавай деньги! (Жизнь или кошелёк?) Открывай! (Полиция!) Делай! (Кому говорят!) Рассказывай! Показывай фотографии! Говори, где он живёт!* Категоричность требования связана с призывом немедленно приступить к действию.

Представленные здесь наблюдения вовсе не означают, что несовершенный вид всегда закреплён за требованием и во всех ситуациях звучит категорично. Требование в равной степени может оформляться с помощью и совершенного вида, и несовершенного. Ср. *Немедленно читай книгу!* и *Обязательно прочитай эту книгу!* Речь идёт здесь об учёте интересов говорящего и адресата.

Если предполагаемое действие связано с интересами адресата, то использование глагола несовершенного вида будет вполне уместно, например, преподаватель во время экзамена или зачёта, желая поставить оценку, обращается к студенту со словами: *«Давайте зачётку!»* Дать зачётку преподавателю — в интересах самого студента, поэтому со стороны преподавателя это не может быть просьбой. Студент, напротив, обращаясь к преподавателю, не может сказать: **Давайте мою зачётку, пожалуйста!* (Императив *давайте* в данном значении и слово *пожалуйста* даже не вступают в синтагматические отношения друг с другом!). Ср. другой пример неформального общения:

- *Переведи мне, пожалуйста, этот текст!*
- *Хорошо, давай книгу!*

В данном случае предполагаемое действие должно совершиться в интересах инициатора диалога, поэтому первая диалоговая реплика оформляется как просьба, с помощью глагола совершенного вида, но второй участник просит книгу не для своих нужд, а в интересах партнёра по коммуникации, поэтому закономерно использование несовершенного вида глагола.

Речевые коммуникативные акты, связанные с пожеланием, приглашением или угощением, ориентированы в основном на интересы адресата

(а не говорящего!), поэтому употребление в такой ситуации глаголов несовершенного вида закономерно: *Поправляйтесь! Угощайтесь! Берите пирожки! Проходите!*

Итак, выбор и сочетание средств воздействия на адресата обусловлены отношениями между коммуникантами, принадлежностью их к определённому типу культуры, их социальным и возрастным статусом, особенностями ситуации общения и многими другими языковыми и социокультурными факторами. Осознанное отношение к выбору языковых средств побудительности, формирование внутреннего «цензора», влияющего на выбор того или иного средства императивности, — всё это может сдерживать и агрессию в речи, и «разрушительные процессы в языке и обществе, которые в определённой мере характерны для настоящего периода» [2: с. 15]. Одним из сдерживающих в этом смысле факторов является создание активной грамматики для говорения и письма, способной формулировать правила выбора языковых средств (в том числе и для выражения побудительности) в зависимости от ситуации общения [7].

Библиографический список

Литература

1. *Богданова Л.И.* Рецензия на монографию Т.В. Лариной «Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Лингвистика». 2010. № 2. С. 99–102.
2. *Богданова Л.И.* Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий. М.: Флинта: Наука, 2011. 248 с.
3. *Изотов А.И.* Императивность как прагмалингвистический феномен. На материале чешского языка. М.: Либроком, 2008. 256 с.
4. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 648 с.
5. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
6. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
7. *Милославский И.Г.* Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Либроком, 2015. 288 с.
8. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1982. 783 с.
9. Современный русский язык / Под ред. Д.Э. Розенталя. М.: Высшая школа, 1984. 735 с.
10. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.
11. Типология императивных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. СПб.: Наука, 1992. 301 с.
12. *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива: Русский императив. М.: УРСС, 2002. 272 с.

13. Ярыгина Е.С. Ещё раз о «коммуникативном подходе» к сложному предложению (к вопросу о возможностях лингвистического эксперимента) // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3. С. 52–62.

Справочные и информационные издания

14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

References

Literatura

1. Bogdanova L.I. Recenziya na knigu T.V. Larinoj «Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskix i russkix lingvokul'turny'x tradicij» // Vestnik Rossijskogo universiteta družby' narodov. Ser. «Lingvistika». 2010. № 2. S. 99–102.

2. Bogdanova L.I. Stilistika russkogo yazy'ka i kultura rechi. Leksikologiya dlya rechevy'x dejstvij. M.: Flinta: Nauka, 2011. 248 s.

3. Izotov A.I. Imperativnost' kak pragmalingvisticheskiy fenomen. Na materiale cheshskogo yazy'ka. M.: Librokom, 2008. 256 s.

4. Kniga o grammatike. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009. 648 s.

5. Kolesov V.V. Yazy'k i mental'nost'. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 240 s.

6. Larina T.V. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskix i russkix lingvokul'turny'x tradicij. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2009. 512 s.

7. Miloslavskij I.G. Kratkaya prakticheskaya grammatika russkogo yazy'ka. M.: Librokom, 2015. 288 s.

8. Russkaya grammatika. T. 1. M.: Nauka, 1982. 783 s.

9. Sovremenny'j russkiy yazy'k / Pod red. D.E. Rozentalya. M.: Vy'sshaya shkola, 1984. 735 s.

10. Teoriya funkcional'noj grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'. L.: Nauka, 1990. 264 s.

11. Tipologiya imperativny'x konstrukcij / Pod red. V.S. Xrakovskogo. SPb.: Nauka, 1992. 301 s.

12. Xrakovskij V.S., Volodin A.P. Semantika i tipologiya imperativa: Russkiy imperativ. M.: URSS, 2002. 272 s.

13. Yarygina E.S. Eshhyo raz o «kommunikativnom podxode» k slozhnomu predlozheniyu (k voprosu o vozmozhnostyax lingvisticheskogo eksperimenta) // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3. S. 52–62.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

14. Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazy'ka / Pod red. M.N. Kozhinoj. M.: Flinta: Nauka, 2003. 696 s.